

ОСЬМИНОГ

鮪

落下してゆく石は
さまざまなことを知った
どんなに海が深いかを
どんなに愛が
底知れぬものであるかを

坂村 真民

Остров Химакадзима (日間賀島) располагается в заливе Микава в префектуре Айти, примерно в десяти километрах к востоку от побережья полуострова Тита, и принадлежит к административному центру Минамитита. Высшая точка острова находится в его средней части в 30,2 метра над уровнем моря. Несмотря на то что Химакадзима является популярным направлением внутреннего туризма и упоминается в ряде источников начиная с периода Эдо, а также послужил прототипом места действия в некоторых современных романах, многие японцы до сих пор не подозревают о его существовании.

— Арэкусандору-сан, — с трудом выговорил официант, занятый вливанием молока в высокий стакан с латте. — У европейцев такие сложные имена...

— У вас тоже имя необычное — Кисё. Пишется как «благородный» и «военачальник»?¹

— Не совсем так. — Официант не обернулся, но по какому-то неуловимому изменению его позы было ясно, что он улыба-

¹ Сочетание иероглифов 貴 — «благородный/драгоценный» и 将 — «полководец/военачальник» читается как «Кисё:» с удлинением на втором слоге. (Удлинения слогов в основном тексте указаны при необходимости.)

Анаит Григорян

ется. — Мое имя пишется катаканой¹. — Он помолчал немного и добавил: — Мама вычитала в какой-то книжке. Думаю, это тоже что-то европейское. Вы всегда пьете на ночь сладкий кофе?

— Обычно да. — Александр попытался устроиться поудобнее на высоком барном стуле. — Я от него лучше засыпаю.

— Аа... вот как...

Александр приходил сюда уже несколько дней подряд и обычно перебрасывался с официантом парой дежурных фраз, а теперь, видимо, перешел в разряд постоянных посетителей и мог рассчитывать на беседу взамен рассматривания деревянных дощечек с написанными прихотливой скорописью названиями блюд и подвешенных над барной стойкой сушеных рыб-фугу. Рыб было порядка двух десятков, и выглядели они так, будто в последние два-три года с них ни разу не смахивали пыль. За спиной официанта на стене висел большой яркий плакат с изображениями представителей морской живности, которых можно было поймать у берегов Японии и употребить в пищу, с подписанными японскими и английскими названиями: мадай — морской окунь, судзуки — японский морской окунь, нидзимасу — радужная форель, мэ-ита-гарэй — камбала, намако — морской огурец, аваби — морское ушко и еще с десятком креветок, у которых по большей части были только японские подписи. Александру больше всего нравились сару-эби, «креветка-обезьяна», ёси-эби — «тростниковая креветка», и громадная, с пивную кружку величиной, курума-эби, «креветка-повозка», в белом панцире с черными полосами. Кто-то подписал рядом с ней красным маркером: «водится только в префектуре Айти».

По вечерам, если не считать праздников и выходных, в «Тако»² было совсем немного народа. Обычно люди прихо-

¹ 片仮名 или カタカナ — одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки, то есть не иероглифического письма. Катаканой записываются преимущественно заимствованные из других языков слова, в том числе иностранные имена.

² 鮎 (встречаются и другие варианты написания: более распространенный 蛸, а также 章魚 или 鱈) — «осьминог». Приведенные

Осьминог

дили сюда в обед, и часам к пяти-шести вечера ресторан пустел, только за барной стойкой оставались двое-трое мужчин, не спешивших домой и предпочитавших за бутылкой пива обсудить последние новости. Правда, с новостями на Химакадзиме было не очень, за три часа неспешным шагом можно было обойти весь остров, и если летом и зимой, согласно путеводителям, сюда приезжало множество туристов, то в межсезонье, а уж тем более с наступлением сезона тайфунов он производил впечатление пустынного. «Тако» был единственным крупным рестораном на всем побережье, пропахшим рыбой и моллюсками, как и все на Химакадзиме, и единственной достопримечательностью, кроме нескольких небольших буддийских храмов, синтоистского святилища Хатимана¹ на западной оконечности острова и качелей, подвешенных между двух высоких сосен. Теперь, правда, дорожка к качелям была такой скользкой, что едва ли какая-нибудь влюбленная парочка решилась бы до них дойти.

Возле дальней стены почти до самого потолка возвышался громадный аквариум с выловленными на днях морскими обитателями, под которым в заполненных водой синих пластико-

иероглифы несколько различаются по смыслу: если 鮪 состоит из иероглифических ключей «рыба» и «сходство», то 蛸 — из ключей «червь» и «сходство», а сочетание знаков 章魚 или 鱈 — из частей «рыба» и «эмблема». Вопрос выбора подходящего иероглифа в результате сводится к тому, на что, по мнению человека, больше похож внешне и по своей сути осьминог — на рыбу или на червя. Здесь нужно заметить, что иероглифическая запись названий рыб и животных скорее редкость и может встретиться в старых текстах или на выполненных каллиграфией вывесках ресторанов, а в обычном письме японцы предпочитают использовать более простую катакану, записанное которой слово «тако» будет выглядеть как タコ.

¹ 八幡神 (Яхата-но-ками, или Хатиман-син, буквально «бог восьми знамен» (имеются в виду восемь небесных знамен, по легенде явившихся при рождении божественного императора Одзин) — синтоистский бог войны, а также моря и рисовых полей, один из покровителей Японии. В культе Хатимана прослеживаются черты как синтоизма, так и буддизма, ему посвящено большое количество храмов, главный из которых — Уса-дзингу (宇佐神宮) в префектуре Оита.

Анаит Григорян

вых поддонах копошились мелкие креветки, полосатые морские раки, покоились неподвижными живыми грудями торигаи – крупные мидии величиной с мужскую ладонь и с крохотным съедобным содержимым. Приходя в «Тако», Александр старался сесть так, чтобы не видеть этого аквариума: когда кто-нибудь из посетителей заказывал рыбу, повар с сачком поднимался по деревянной лесенке с четырьмя ступенями, стоявшей сбоку от аквариума, перегибался через осклизлый от водорослей край, вылавливал из прозрачной, но все равно казавшейся какой-то упругой и вязкой воды подходящую рыбу, ловко перебрасывал ее на мокрый пол, затем, спустившись, брал один из нескольких приставленных к стене длинных гвоздодеров и приканчивал трепыхавшуюся рыбу одним точным ударом по голове. Раздавался короткий неприятный хруст, рыба еще несколько раз конвульсивно дергалась и затихала, пока ее несли на кухню.

– До:зо¹. – Кисё поставил на барную стойку стакан, увенчанный оплывающим облаком сливок: на сливки, карамель и цветную сахарную пудру он не скупился, видимо стараясь порадовать клиента, но в результате латте у него получался сладким до приторности. – Enjoy your coffee (он произнес эту фразу как «эндзё: ё: ко:хи:»). Может быть, что-то еще?

– Нет, спасибо большое.

Кисё на мгновение задумался, потом отвернулся, взял небольшую тарелку и насыпал в нее с горкой мелких сэзков – тоже, судя по их виду, сладких.

– За счет заведения.

Александр поблагодарил, отпил через соломинку немного латте и сунул в рот маленькое печенье, посыпанное кунжутом и какой-то красной пудрой: пудра оказалась подкрашенным сахаром, кунжут, похоже, жарили в сахарном сиропе, но само печенье было соленым. Он улыбнулся: к представлениям японцев о сочетаниях вкусов европейцу было привыкнуть не проще, чем к перехватывающему дыхание рыбному запаху, хотя уже спустя несколько часов после приезда Александр поймал

¹ どうぞ – «пожалуйста» (в самых разных значениях, аналогичных употреблению слова в русском языке).

Осьминог

себя на мысли, что этот запах перестал его беспокоить, а через несколько дней даже как будто совсем исчез. Кисё отвернулся и принялся возиться на своем столе: убрал с него стаканы, бокалы и бутылки с ликерами и сиропами, капнул на когда-то блестящую, а теперь матовую из-за многочисленных царапин поверхность средство для посуды с сильным апельсиновым запахом, растер его влажной тряпкой, затем все собрал, сполоснул тряпку под краном, еще раз тщательно все протер. Кисё был довольно высокий, худощавый, как большинство японцев, двигался легко и грациозно, как будто в прошлом занимался балетом, и, моя посуду или протирая стол, не сутулился. Медно-рыжие – скорее всего, крашенные – слегка волнистые волосы лежали на его голове плотной, немного растрепанной шапкой. Лицо с мягкими чертами можно было бы назвать красивым, если бы не широковатый, чуть приплюснутый нос и едва заметно приподнятые уголки рта, что придавало ему насмешливое и даже хитроватое выражение, странно не сочетавшееся с внимательным и серьезным взглядом, так что, когда Кисё задавал дежурный вопрос «О-гэнки дэс ка?»¹, непонятно было, соблюдает ли он правила приличия, действительно интересуется здоровьем собеседника или подшучивает над ним. Впрочем, его приветливая улыбка и спокойный голос тотчас сглаживали любое неприятное впечатление, если оно вообще могло возникнуть, а учитывая некоторые недостатки внешности, его с легкостью можно было представить в какой-нибудь дораме² в роли, например, лучшего друга главного героя. Александру вспомнился недавно виденный в кинотеатре фильм, в котором два паренька, брюнет и рыжий, расследовали убийства девушек-студенток. Кисё сильно выделялся на фоне местных, и трудно было поверить, что его предки – несколько поколений рыбаков, промышлявших ловлей

¹ お元気ですか, «Как ваши дела?», стандартная фраза при встрече, буквально «Вы здоровы?/Здоровы ли вы?».

² テレビドラマ (тэрэби дорама, от *англ.* television drama) или просто ドラマ (дорама) – японские телевизионные сериалы. Несмотря на название, дорамы выпускаются в самых разных жанрах: комедия, детектив, ужасы, историческая драма и так далее.

Анаит Григорян

фугу, небольших акул, лангустов и осьминогов – любимого местного деликатеса. Девушки в него, наверное, легко влюблялись.

– Скажите, Кисё... – Александр сделал еще один глоток латте и с трудом удержался, чтобы не поморщиться. – Можно задать вам личный вопрос?

– А? Конечно, Арэкусандору-сан. – Кисё обернулся, не выпуская из рук бокал, который протирал салфеткой, – было видно, какие у него длинные и тонкие пальцы – как у музыканта или писателя. – Какой у вас ко мне личный вопрос?

– Вы отсюда?

– В смысле?

– В смысле, с Химакадзимы? Здесь родились?

– А-а... – Кисё поставил бокал на стойку, донышко тихо стукнуло по отполированному множеством рукавов дереву. – Нет, я родился в Осаке. Это долгая история.

– Любовная? – спросил Александр и тут же осекся: Кисё был, очевидно, лет на пять его моложе, но все равно вышло не очень вежливо. Про себя он подумал, что по речи официанта едва ли можно сказать, что он из Осаки: кансайский выговор¹ даже иностранцу опознать несложно.

Кисё немного нахмурился, не переставая при этом улыбаться.

– Не совсем. Вернее, нет, не любовная. Сложности на работе.

– Понятно. Почти как у меня. – Александр усмехнулся, глотнул еще латте и отправил в рот пару сладко-соленых сэнзюков. – Сложности на работе...

– Это вряд ли. – Кисё взял в руки очередной стакан и принялся ловко протирать его изнутри, хотя тот, насколько мог судить Александр, и без того был совершенно чистым. – Сомневаюсь, что наши истории хоть чем-нибудь похожи.

¹ Кансайский диалект (関西弁 – Кансай бэн) и его наиболее характерный вариант – осакский диалект (大阪弁 – О:сака бэн) – группа диалектов, распространенных в регионе Кансай. Носители литературного японского считают Кансай бэн более мелодичным, но в то же время – грубоватым и жестким. Кансайский диалект включает в себя довольно большое количество характерных слов и выражений, так что его носителя легко узнать.

Осьминог

Левый рукав у него слегка задрался, и был виден плотно охватывающий запястье красный ремешок часов – судя по всему, приобретенных в каком-нибудь магазинчике возле крупной станции.

– Осака – шумный город, да? – сказал Александр первое, что пришло ему на ум в связи с Осакой, чтобы как-то загладить возникшую неловкость.

– Немногим более шумный, чем Токио. – Кисё пожал плечами. – Разве что в нем меньше порядка и очень много лестниц – переходы через дороги в основном поверху, ноги от этого немного устают. Но люди в Осаке очень душевные. И там хороший океанариум.

Он замолчал и отвернулся. Александр принялся изучать взглядом поверхность барной стойки. Судя по шороху за окном и усилившемуся запаху рыбы и водорослей – во влажную погоду море всегда пахло сильнее, – на улице шел настоящий ливень. Александру вспомнилось, как две недели назад он точно в такую же погоду приехал на маленький остров из Нагоя: его двухлетний рабочий контракт в банке подошел к концу, и руководство не пожелало его продлевать. Оно, в общем, и понятно, Александр и сам знал, что не был таким уж ценным сотрудником, особенно учитывая его неидеальное знание делового японского. Рабочая виза позволяла ему уехать из страны еще через полтора месяца, а оставшиеся деньги – прожить эти полтора месяца в скромном отеле где-нибудь неподалеку от центра города, и если бы его сейчас спросили, зачем его понесло на Химакадзиму, он бы не нашелся что ответить. Не хотелось возвращаться в Россию и краснеть перед родными и друзьями, рассказывая, как Канагава-сан¹ – пожилой японец с круглым добродушным лицом, неуловимо напоминавший Александру отца, – выражал свое сожаление: «Арэкусандору-сан, вы проявили в работе незаурядные профессиональные качества и рвение (ну да, как же!), однако мы более не заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве с вами». Глядя на

¹ 金川 – фамилия бывшего начальника Александра состоит из иероглифов «золото/деньги» и «река».

Анаит Григорян

господина Канагаву, можно было подумать, что он действительно сожалел, хотя, может статься, так оно и было: Александру было известно, что об одной иностранной сотруднице, сильно тосковавшей по дому, начальник заботился совершенно бескорыстно и даже сводил ее пару раз в Кабуки, а когда у той закончился контракт, помог устроиться в другое отделение Банка Нагоя. От этого на душе становилось еще тяжелее: если бы его выгнал какой-нибудь самодур! Не то чтобы Александр совсем не умел врать, но говорить про господина Канагаву плохо у него бы язык не повернулся, поэтому через несколько дней после их разговора, когда уже было ясно, что руководство своего решения не изменит, он пролистал наобум банковский телефонный справочник и наткнулся на отсутствующий в большинстве путеводителей для иностранцев крошечный рыбацкий островок. Единственным добравшимся до него банком был JA¹, у которого на Химакадзуме имелось собственное отделение — как выяснилось впоследствии, маленький тихий офис с развешенными на стенах детскими рисунками (школьный конкурс «Нарисуй своих друзей — Осьминога и Рыбу Фугу!» 2011 года, от влаги большинство рисунков сильно покоробилось) и парой выдавших виды банкоматов, один из которых был постоянно сломан. Еще через день насквозь пропахший дизелем и немилосердно мотавшийся на серых волнах паром «Хаябуса»² vez его от нагойского порта Кова на Химакадзиму, где он заранее снял комнату в частном доме в районе Набуто на западном побережье. Две недели! Казалось, что прошло не меньше двух месяцев: время на Химакадзуме, как и в любой провинции, текло медленнее, чем в большом городе.

— Теперь вы знаете обо мне достаточно, — закончив с уборкой, Кисё занялся складыванием тряпочек и губок в ровные стопки на краю мойки, — чтобы мы могли называться друзьями.

¹ Japan Agricultural Cooperatives, сокращённо JAバンク (джэй-эй банку), — одно из крупных японских банковских объединений.

² はやぶさ — буквально «сапсан». Нужно сказать, что в Японии довольно большое количество компаний носят это название.

Осьминог

Александр хотел было возразить, что не знает о Кисё ровным счетом ничего, но вместо этого сказал, что всегда хотел съездить в Осаку и посмотреть тамошний океанариум, но все никак не складывалось.

— Вот как... а я там даже работал некоторое время. — Кисё окинул критическим взглядом свое рабочее место, ища, что бы еще прибрать или поправить. — По выходным там много детей, они бегают по огромному коридору внутри аквариума с акулами и мантами и кричат, их это очень забавляет, а родители им это позволяют. Однажды пришла женщина с мальчиком — думаю, он только-только начал учиться в младшей школе. Он подошел к стеклу аквариума, и к нему подплыла самая большая манта, которую еще называют «морским óни». Манты вообще довольно медлительны и нередко застывают на одном месте, как бы паря в толще воды. Думаю, на самом деле они не видят людей, хотя и может показаться, будто они вас пристально рассматривают. «Это морской óни¹, — сказала мальчику мама, — он живет глубоко в океане». Услышав это, мальчик отшатнулся от стекла и заплакал. Мама стала его успокаивать, но он знай себе твердил: «Морской óни утащит меня в океан! Морской óни утопит меня! Не хочу, не хочу, не хочу!» А манта застыла с другой стороны стекла и не думала никуда уплыть, как будто ей и вправду было любопытно. Наконец мама мальчика рассердилась и сказала ему: «Если ты не прекратишь реветь, то не получишь сегодня мороженого, понял? Если не прекратишь реветь, пока я считаю до десяти... ити, ни, сан, ён, го... ты меня понял?.. року... нана... хати...»

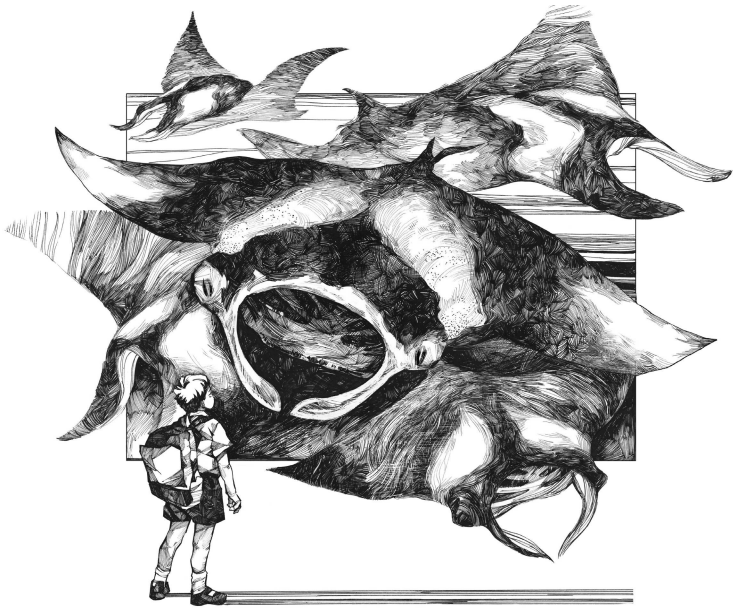
— Он перестал плакать?

— Нет. — Кисё с улыбкой покачал головой. — Видимо, наш óни сильно напугал его. Кончилось тем, что мама взяла его за

¹ 鬼 — «черт», «дьявол». В действительности гигантский скат *Manta birostris* называется на японском 鬼糸巻鰐 или オニイトマキエイ, что читается как «они ито маки эй» и состоит из иероглифов «черт», «нить», «свиток» и «скат». Мама мальчика объясняет ему название рыбы, используя японскую кальку с европейских языков, в которых манту нередко называют «морским чертом» или «морским дьяволом».

Анаит Григорян

руку и увела на улицу, а когда они ушли, морской ёни наконец перевернулся и уплыл в глубину аквариума. Я до сих пор помню лицо того мальчика, как сильно он испугался.

— Думаете, мама действительно не купила ему мороженого?
Официант пожал плечами:

— Если немного пофантазировать, то большой скат и вправду похож на рогатого ёни в черном хаори¹. Но жаль, конечно, что безобидной рыбе дали такое название.

В ресторан зашла пара: парень и девушка, судя по их виду, вчерашние студенты. Кисё обернулся на звякнувший дверной

¹ 羽織 — верхнее кимоно длиной выше колена, часть как мужского, так и женского традиционного костюма. В русском языке существует ошибочный перевод «хаори» как «японский жакет», также имеет место и обратная ситуация: русскоговорящие японцы зачастую переводят «хаори» как «пальто».

Осьминог

колокольчик и улыбнулся – как показалось Александру, чуть более сердечно, чем обычно. Парень приветственно махнул рукой:

– Охайо¹, Камата²! Ничего себе погодка, да? Настоящий тайфун!

Его спутница в слишком легком для начала октября европейском платье и босоножках смущенно улыбнулась. На ее плечи была наброшена потерянная джинсовая куртка, видимо принадлежавшая ее другу. Она не вдела руки в рукава и куталась в нее, как в платок, но все равно явно зябла.

– А, Игараси-сан³, добрый вечер! Давно не виделись! – Кисё взял две большие чашки и поставил в микроволновку на полторы минуты, положив туда же свернутые в тугие валики влажные полотенца для рук. – Но главное все же – погода в человеческом сердце, как думаете? Если в сердце весна и зацветает магнолия, никакой тайфун ему не страшен.

– Я же тебе говорил, он забавный. Молодой, а рассуждает, будто столетний дед. – Парень потрепал замерзшую девушку по плечу: – Ну, ты как? Совсем продрогла? Слышь, Камата, это моя девушка, Ясуда Томоко⁴. Она учится в Токио. Красотка, что скажешь?

Кисё вынул чашки из микроволновки, проверил, достаточно ли они нагрелись, насыпал в каждую порошка маття⁵, плеснул

¹ お早う или おはよう (охаё; разговорное сокращение от вежливого お早うございます, охаё: годзаимас(у)), «Доброе утро!/С добрым утром!».

² 鎌田, фамилия состоит из иероглифов «серп» и «рисовое поле».

³ 五十嵐, состоит из иероглифов «пять», «десять» и «буря/шторм/гроза», то есть переводится буквально как «пятьдесят штормов» или, метафорически, «тысяча штормов».

⁴ 安田 友子 (Ясуда Томоко) – фамилия девушки означает буквально «спокойное рисовое поле», имя – «дружелюбное дитя». Фамилия в японском написании ставится на первое место, имя – на второе.

⁵ 抹茶 – буквально «растертый чай». Порошковый зеленый чай, используемый как в классической чайной церемонии, так и подаваемый в некоторых кафе и ресторанах наряду с обычным